

Смысловая концепция права

Гаврилова Юлия Александровна,

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории права и государства,
Волгоградский государственный университет
400023, г. Волгоград, ул. Еловая, д. 12
E-mail: juliagavr@yandex.ru

Аннотация. Статья является продолжением авторских публикаций об интегративной концепции смысла права в Российском журнале правовых исследований № 2 за 2016 г. и № 1 за 2017 г. Под смысловой концепцией права автор понимает интегративный целостный и собирательный образ права, который всегда имеет конкретно-историческое содержательное наполнение (в данном современном обществе) и функционирует в соответствии с принципом взаимодополнительности разных типов правопонимания. Данная концепция содержит несколько исходных базовых допущений. Во-первых, смысловая концепция не является абсолютно новым типом правопонимания, а смысл права относится к числу опорных связующих конструкций, которые с точки зрения современной философии и методологии науки характеризуют интерпретационный стиль научного мышления. Во-вторых, спор между философией права и теорией права за приоритет в правопонимании можно решать путем научной конвенции на основе понятия смысла права, которое гармонично сочетает внутреннюю природу права и внешние его связи с экономикой, политикой, культурой и другими подсистемами общества. Тем самым снимается противостояние между правом «изнутри» и тем, что находится «вне» права. В-третьих, смысловая концепция права способна задавать оптимальный вектор совершенствования понятийного аппарата правоведения и модернизации критериев научной новизны современного юридического знания с позиции так называемой «классической» и «постклассической» правовых парадигм. Если смысл права совершенствуется за счет внутренней логики развития самого права, то научная новизна всегда будет постулироваться как «осмысление традиционных идей на новом этапе». Но если смысл права черпает свои источники из социального пространства, тогда, безусловно, надо признавать, что в понятийный аппарат права могут включаться в рамках новой предметной интерпретации философские понятия, термины, институты. Смысловая концепция права обладает значительным теоретико-практическим потенциалом для системного анализа проблемы современного российского правопонимания. **Ключевые слова:** смысл права, идеи, нормы права, социальная среда действия права, теория права, философия права, классика, постклассика.

Проблема правопонимания относится к числу наиболее сложных и загадочных тем в исследованиях юристов. Масштаб поставленных вопросов и острота научных дискуссий по этой теме в отечественной юридической литературе «зашкаливают» иногда настолько, что думается о тотальном господстве интеллектуального агностицизма. Однако разделяемый нами познавательный оптимизм позволяет надеяться на появление новых моделей осмысления или решения этой серьезной и фундаментальной общетеоретической проблемы права. Отталкиваясь от этого, полагаем, что для проблемы правопонимания, как и для любой другой научной проблемы, всегда свойственны традиционные подходы и элементы её творческого развития, но чрезмерно противопоставлять одно другому недопустимо.

Основанием смысловой концепции права является понятие смысла права. С точки зрения генезиса вопроса не имеет решающего

значения, что смысл — это «объект права собственности» философских и общественных наук. Смысл права, познаваемого как «самоцель» или «самоценность», как индивидуальное отношение человека к конкретному законодательному акту или прикладной юридической проблеме и т.п., как правило, составляет интерес для теории права. Смысл права как комплексное познавательно-практическое, оценочное и иное отношение человека к миру правовой действительности почти всегда постигается на пересечении права и социального контекста, а в широком понимании вся философия права — это тоже смысл права.

В смысловой концепции права можно условно выделить три базовых аспекта понятия смысла, не исключая и другие возможные аспекты:

1) сущностный: смысл права — это особое замкнутое пространство существования и концептуализации проблемы правопонимания в «недрах» самой юридической науки, в рамках

которого предлагается на основе универсальных методов познать, как правило, в окончательном и завершённом виде истину по вопросу, какой единственный элемент составляет смысл права, например, чью волю или какие интересы право отражает;

2) содержательный: смысл права — это «приоткрытое» пространство, в котором осуществляется интерпретация множества элементов права различными методами, порождающая плюрализм подходов и взглядов на смысл права. В этом пространстве имеет место соперничество или конкуренция философии права и теории права за разделение «предметов ведения» и интеллектуальной компетенции в сфере правопонимания. Теория права начинает осознавать, что классические компоненты (нормы и идеи права) могут дополняться иными гранями смысла (правовыми традициями, актами юрисдикционной практики и т.д.). Философия права выявляет социально-психологические, историко-культурные, ценностные основания смысла права и делает акцент на том, что нормы и принципы права не идеальны и нуждаются в постоянном обновлении;

3) концептуально-образный: в современной трактовке — это открытое пространство тесного взаимопроникновения и зависимости философии и теории права друг от друга в сложном информационно-программированном обществе XXI в., когда они сохраняют относительную самостоятельность в инструментальном аспекте познания его смысла, но выполняют общие цели и задачи мировоззренческого и методологического обеспечения с помощью права развития всего общества.

Смысловая концепция права является интегративной в соответствии с признаками и характером современного общества. Интегративность в праве — ещё одна ценностная дилемма, с которой приходится сталкиваться современным юристам. Интегративное правопонимание — это «защитный пояс» юридической науки в острых дискуссиях с философией и гуманитарными дисциплинами за «правильное» представление о смысле права, ибо для социальной философии образ смысла права может быть только один: философский, междисциплинарный, всеохватывающий и т.п.

Например, Н.В. Евдеева достаточно давно посвятила теме интегративного правопонимания кандидатскую диссертацию. Можно поддержать её мнение о том, что интегративное понимание права должно рассматриваться как самостоятельное и нерасширенное понимание права, в котором сложившиеся классические подходы объединяются именно в новое целое. Но настораживает следующее высказывание автора: «Классическая методология исследования

не отвечает требованиям современной действительности, не может охватить все факты... . Кризис юридической науки, размытость критериев научности знания обуславливают спорность и плюралистичность научных понятий права, концепций его сущности, а также неопределённость и неполноту теоретических моделей правовой действительности»¹. С этим положением сложно согласиться, поскольку не в классике надо усматривать причины неопределённости отечественного правопонимания, а в особенностях правосознания, истории и культуры Отечества, их недостаточной адаптированности к современному периоду времени.

Оригинальный взгляд на эту проблему предлагает Р.Р. Палеха, рассматривающий интегративное правопонимание как соединение правовой действительности и сознания человека, которое осваивает и категоризирует правовую реальность в результате творческого познавательного процесса. Однако автор формулирует дискуссионный тезис: «Современная правовая доктрина переосмыслила одномерное восприятие права, созданное классическими типами правопонимания (форма экономических отношений у марксизма, волеустановленная система правовых норм у юснатурализма, природные права и свободы у юснатурализма, эмоциональные переживания человека у психологизма и др.), и выработала к нему критическое отношение. Место одномерной методологии... все решительнее занимает интегративное правопонимание, основанное на восприятии права как органически целостного явления, представленного максимально объективно и всесторонне»². Здесь недооценивается способность классики модернизировать и «достраивать» свой понятийный аппарат в соответствии с духом времени.

В отечественной юриспруденции предпринимались успешные попытки интегрировать классические элементы смысла права и даже сочетать их с иными — «неклассическими» или «постклассическими» подходами. В либертарно-юридической концепции правопонимания (В.С. Нерсисянц, В.В. Лапаева, Н.В. Варламова и др.) сущностными принципами права провозглашены формальное равенство, свобода и справедливость, выражающиеся в «правовом» законе³. Иные варианты сочетания норм права

¹ Евдеева Н.В. Интегративные теории правопонимания в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 9 — 11.

² Палеха Р.Р. Интегративное правопонимание и современное юридическое образование в России: проблемы согласования // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3. С. 163.

³ См., например: Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 124 — 174.

и идей естественного права содержатся в формулировках «естественно-позитивное» или «человекоцентристское» правопонимание⁴, «современное системно-нормативное правопонимание»⁵.

За совмещение свойств права как нормативного регулятора с практической эффективностью его действия выступил в концепции «реалистического позитивизма» Р.А. Ромашов⁶. Интегративное правопонимание в синтезе позитивного, естественно-правового и социологического анализирует В.В. Ершов⁷. Все эти устоявшиеся концепции свидетельствуют о сохранении классических элементов смысла права в качестве основы для построения сколь угодно разного интегративного правопонимания.

Более всего из последних публикаций нам импонирует подход В.А. Носкова, который различает «право» вообще в качестве абстрактного и потенциального регулятора общественных отношений и «интегративное» право как актуальное право, реализующее весь обширный спектр заложенных в нем возможностей⁸. К тому же нас радует, что автор поддерживает идею «свернутости» и «развернутости» смыслового содержания права в процессе его конкретизации, о чем мы также ранее уже писали⁹.

Проблема правопонимания получила новый виток развития в последние десятилетия в новом научном направлении, существующем под обобщенным названием «постклассическая теория права», «постклассическая правовая парадигма», «постклассика» и т.п. Основные атрибуты правовой постклассики таковы: 1) центр правовой системы — человек; 2) основной способ освоения правовой реальности — метод конструирования; 3) «контекстуализм», т.е. учет социально-исторического «фона», в котором существует и функционирует право; 4) релятивизм и плюрализм суждений о понятии права;

5) нарративность всего «правового», т.е. ситуационная обусловленность правового познания, стремление «вынести за скобки» правопонимания общие тенденции этого процесса и т.п.¹⁰

Можно признать своевременность и полезность постклассического мышления, которое действительно наиболее адекватно отвечает требованиям и вызовам информационной, научно-технологической эпохи. Выработан своеобразный понятийный аппарат, используемый для описания и анализа возникающих правовых проблем. Повышение роли человека в жизни современного общества «отозвалось» в соответствующих тенденциях нового осмысления и актуализации ранее не ставившихся вопросов теории права. В рамках постклассического мышления оптимально может быть реализована гуманистическая парадигма защиты интересов личности, что в условиях цифрового и машинного бытия позволяет обеспечить сохранение минимальных этических императивов: жизни, достоинства, свободы, социальной помощи и пр., их влияние на содержание действующего права. Наконец, появление таких принципов человеческой деятельности, как доверие, толерантность, признание «другого» особенно важно в острых конфликтных международных отношениях, между глобализмом и антиглобализмом, при урегулировании разногласий между государствами, народами, регионами и т.д.¹¹

В то же время следует подчеркнуть, что нельзя преувеличивать и абсолютизировать возможности постклассической методологии и теории в праве. В первую очередь вызывает сомнение универсальность такого метода познания смысла права, как конструирование хотя бы потому, что в классическом правоведении существуют смысловые аналоги или эквиваленты в виде понятий «моделирование» и «опережающее отражение действительности». На прикладном уровне законотворчества эти понятия давно признаны и активно используются¹², что означает одно: возможности правовой классики далеко не исчерпаны, а обновленные классические принципы познания «завоевывают места под солнцем» в обосновании смысловой концепции правопонимания.

Нельзя также согласиться в полной мере

⁴ Шафиров В.М. Естественное-позитивное право: введение в теорию. Красноярск, 2004.

⁵ Байгин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001; Аверин А.В. Судебное правоприменение и формирование научно-правового сознания судей: проблемы теории и практики: дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004.

⁶ См.: Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Правоведение. 2005. № 1. С. 11.

⁷ См.: Ершов В.В. Анализ интегративного правопонимания с общенаучных позиций // Российское правосудие. 2017. № 5. С. 6 — 18.

⁸ См.: Носков В.А. Апология интегративного права в свете рефлексивной трактовки // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 43, 44.

⁹ См.: Гаврилова Ю.А. Смысл права: вопросы теории и методологии / Под ред. Н.Н. Вопленко. Волгоград, 2013. С. 235 — 257.

¹⁰ См. подробнее: Честнов И.Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции // Правоведение. 2016. № 2. С. 62 — 93.

¹¹ См. также: Гаврилова Ю.А. Смысловой подход к праву как интегральное основание типологии новых юридических знаний // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2. С. 38 — 40.

¹² См.: Правовые модели и реальность: монография / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М., 2014. С. 1 — 17.

с отрицанием представителями постклассической теории права категории «объективное» (иногда формально эта категория применяется, но в авторской интерпретации). Чаще всего в духе Ю. Хабермаса «объективное» в этих подходах заменяется на «общезначимое» (коммуникативные договоренности в совместных практиках жизнедеятельности людей)¹³. Обоснованно утверждается в постклассике, что возможности человеческого разума в познании права ограничены. Но тогда нельзя предусмотреть в полном объеме и все результаты предшествующего конструирования, которые всегда включаются в процесс актуального конструирования многообразных новых социальных связей и правовых отношений. Именно вследствие этого часть созданных людьми конструктивных образцов и моделей может иногда ускользать от внимания исследователя, становиться незаметной от него, автономной, жить как бы «собственной жизнью». Следовательно, «объективное» в традиционном понимании (понимании классики) вовсе не исчезает, а лишь приобретает видоизмененные, «превращенные» формы. Оно сочетается с другим пониманием «объективного» как сконструированного и общепринятого¹⁴.

Спор о границах философии и теории права ярко проявился в заочной дискуссии о специфике философско-правовых исследований, в которой приняли участие профессор О.В. Мартышин и украинский ученый А.В. Стовба. Данная полемика характерна тем, что еще раз показывает разные исходные предпосылки и сходные целевые ориентиры анализа одних и тех же проблем правоведения, когда каждый ученый, действуя в рамках выбранной им методологии, приходит

к тем же самым выводам, что и его оппонент. В первом случае — это поиск философско-правового идеала, что невозможно без критического отношения самой теории права к системе существующего позитивного права (что обычно признают за философией права). Во втором — это поиск философского смысла «что есть право в реальности, в данной ситуации и т.п.», что невозможно без введения некоторых общепринятых эталонов суждений о праве в теоретическом плане. В позициях и того, и другого автора остаются, тем не менее, определенные дискуссионные моменты.

Так, в частности, нельзя однозначно принять тезис профессора О.В. Мартышина о «бесплодности механического перенесения философских конструкций в правовую теорию»¹⁵. Академик В.С. Степин делал оговорку о «парадигмальных прививках»¹⁶. Транслируемые из философии в частнонаучную область знаний (в нашем случае — в правовую) идеи, принципы и методы наполняются новым смысловым контекстом и приобретают специфику, соответствующую характеру предмета именно юридической науки, что влияет и на особенности использования в праве этих методов познания. И если некоторые из них внешне тождественны по смыслу многим традиционным правовым категориям, то, по крайней мере, они способны выявлять их «слабые места» и недостатки, формировать потенциал совершенствования последних. Другие же могут вводить в проблемную область частноотраслевой (правовой) науки новую картину и методы исследования правовой реальности в той части, которая юристу ранее не была известна либо для него не проявлялась в достаточной степени.

С другой стороны, нельзя согласиться с излишне категорическим выводом А.В. Стовбы в ответ на критические замечания О.В. Мартышина о «непригодности устаревшего терминологического аппарата для анализа новых современных подходов к праву»¹⁷. Не ясно, почему, на основании каких критериев и кто определил неадекватность классической методологии в настоящий период (без учета её «обновленного» потенциала)?

Говоря о «нижних этажах» правовой действительности, следует сделать акцент на недопустимость абсолютизации и динамизма в правопонимании в противовес статическому (стабильному)

¹³ Например, предлагается трехуровневая схема построения правовой реальности: 1) индивидуальный (субъективный), где право существует лишь в форме субъективных притязаний на что-либо, правомочий и законных интересов; 2) интерсубъективный, где право содержательно «шлифуется» в правовых коммуникациях и нормах права, опосредующих эти коммуникации, а также в юридических текстах; 3) общезначимый, создаваемый в виде общих доктринальных суждений о признанных смыслах. См.: Разуваев Н.В. Право: социально-конструктивистский подход // Правоведение. 2015. № 5. С. 48 — 98.

¹⁴ В ряде публикаций и выступлений известный отечественный философ В.А. Лекторский предложил новое понятие «конструктивного реализма» в познании. Настало время присмотреться юристам к этому оригинальному подходу, позволяющему удачно сочетать «классическое» и «постклассическое» в праве. См., например: «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола». Участники: В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, А.С. Карпенко, Г.Д. Левин, Е.А. Мамчур, С.В. Пирожкова, А.В. Родин, Н.М. Смирнова, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 5 — 38.

¹⁵ Мартышин О.В. Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 24.

¹⁶ См. подробнее: Степин В.С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). М., 2003. С. 578.

¹⁷ См.: Стовба А.В. Об особенностях философско-правовой методологии // Правоведение. 2017. № 4. С. 100.

его началу, а также абсолютизации дискретности, событийности в праве по отношению к его целостности и континуальности. Интерпретация права как «сети дискретных взаимодействий» может неминуемо приводить к тому, что право в конкретной «экзистенциальной» ситуации будет восприниматься как «мое-хочу-право» в руках сильного мира сего, а интересы слабой стороны никак не будут защищены в этой ситуации. Тогда опять нужна третья критериально-оценочная инстанция, призванная выступать арбитром между ними. А это возвращает нас к проблеме институциональных носителей власти в обществе, оперирующих универсальными правилами для всех: в постклассике это могут быть «правлящие референтные группы» или «экспертные сообщества», осуществляющие прежнюю власть под видом «нового знания», а в классике — новый «коллективный суверен» или «коллективный представитель согласованной публичной воли»¹⁸.

Что же касается феномена терминологического «переодевания»¹⁹, то к нему нельзя относиться однозначно негативно. По нашему мнению, нужно разграничивать две ситуации. Во-первых, когда использование новой терминологии действительно свидетельствует о новизне концептуальной (для любого профессионала всегда очевидно, что по этой теме слишком мало литературы или по данному вопросу еще никто не писал). Во-вторых, когда применение новых слов и выражений суть новизна лишь терминологическая и представляет другое обозначение старых хорошо известных понятий. По этическим соображениям в данной статье мы не будем приводить подобные примеры.

В отмеченном ключе встает важный вопрос о путях совмещения классических и постклассических подходов, философско-правовых и теоретико-правовых идей. Хороший пример этой совместимости демонстрирует, на наш взгляд, в своей статье С.В. Володина. Она пишет, что

¹⁸ Эту мысль хорошо выразил И.Д. Невважай, говоря о правовой коммуникации как о «триалоге». См.: Невважай И.Д. Что такое теория права с точки зрения философа, размышляющего о гуманитарном знании в контексте коммуникативной рациональности? // Правоведение. 2014. № 5. С. 91 — 93. Но, конечно, коммуникация является нормативной только для сторон данной коммуникации, а не какой либо иной. То есть далее мы приходим к необходимости согласовывать множество равноуровневых и разнотематических коммуникаций, что «высвечивает на горизонте» классический «рисунок» «общей» нормы для многих участников многих коммуникаций.

¹⁹ Такая формулировка используется О. В. Мартышиным в обозначенной статье со ссылкой на работы С.С. Алексеева, И.П. Малиновой, И.Ю. Козлихина. См.: Мартышин О.В. Об особенностях философско-правовой методологии. С. 24.

необходимо взаимодействие «межличностного» доверия как ресурса коммуникативных правовых теорий и «институционального» доверия в качестве источника нормативного оформления правовой системы и устойчивости политического порядка. «Правовая норма, носящая универсальный в плане воздействия характер, распространяется на всех участников правоотношений, но это... невозможно без доверия, т.е. допущения, что тот, кому доверяешь, будет следовать так же данной норме, как и ты сам», «формирование правовых норм — деятельность по снижению уровня недоверия, когда через нормативное конструирование создаются правовые правила, формирующие доверие к социальному порядку в целом...»²⁰.

Как правильно указывает также В.Н. Синюков, «угроза благополучию общества лежит в концептуальной неопределенности частно-публичных отношений, в крене к голому эгоизму, с одной стороны, а с другой — к не менее голому частному интересу, которые фактически противопоставлены в отдельных сферах законодательства... . Во всех великих правовых обществах правовое регулирование основано на определенных концептуальных началах — **философских, политико-правовых, догматических**» (прим. — выделено авт.)²¹.

В заключение сделаем определенные выводы. В научных исследованиях по правовой тематике мы (все юристы) говорим практически об одних и тех же объектах или феноменах правовой действительности, но в разных терминологических формулировках. Даже в самих терминах «объект» или «феномен» заложен противоречивый смысл: объект — термин классики, феномен — термин постклассики. Но определенная частица смысла права всегда присутствует в каждом случае. В силу общности объекта познания необходим конструктивный диалог между представителями двух парадигмальных подходов, основанный на признании и уважении понятийного аппарата и мировоззрения друг друга.

Философия права и теория права выражают разный уровень концептуализации смысла права: теория права — сущностный, философия права — концептуально-образный, содержательный аспект смысла права является «пограничной» сферой между ними. Поэтому если теория права желает бороться за системный

²⁰ Володина С.В. Правовое доверие как основа устойчивости правовой системы общества: российское измерение // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 38 — 40.

²¹ Синюков В.Н. Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 20, 29.

взгляд на право, а философия права — преодолеть вечные обвинения в отсутствии эмпирической базы, необходимо объединение их усилий на смысловой платформе.

Смысловая концепция права показывает пределы восприятия проблемы правопонимания в данной исторической обстановке. В небольших границах смысл права включает в основном классические компоненты, познаваемые теоретико-правовыми средствами. Но чем больше типов правопонимания включено в предмет исследования, тем шире границы смысла права, который неизбежно охватывает в таких случаях социальную среду его действия и актуализирует потребность в неклассической методологии и философии права.

Смысловая концепция права, поэтому, сама по себе к числу новых типов правопонимания может быть отнесена лишь условно в качестве версии интегративного. Интегративное правопонимание — это середина между двумя крайностями узкопрофильного взгляда на право как «элитарный» продукт и чрезмерно широкого «размытого» образа права без учета его значительной специфики. Мы уже отмечали в своих публикациях, что к числу интегративных современных концепций российского права могут быть отнесены «синтетическая, энциклопедическая, постклассическая, компрехендная»²². Автор надеется, что смысловая концепция права займет достойное место в этом ряду.

Список литературы

1. Аверин А.В. Судебное правоприменение и формирование научно-правового сознания судей: проблемы теории и практики: дисс. ... д-ра юрид. наук: Саратов, 2004. 382 с.
2. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. 416 с.
3. Володина С.В. Правовое доверие как основа устойчивости правовой системы общества: российское измерение // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 37—42.
4. Гаврилова Ю.А. Смысл права: вопросы теории и методологии / Под ред. Н.Н. Вопленко. Волгоград, 2013. 287 с.
5. Гаврилова Ю.А. Интегративная концепция права: от философско-юридического дуализма к синтезу в смысловой теории // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1. С. 88—93.
6. Гаврилова Ю.А. Смысловый подход к праву как интегральное основание типологии новых юридических знаний // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2. С. 36—41.
7. Евдеева Н.В. Интегративные теории правопонимания в современной России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. 26 с.
8. Ершов В.В. Анализ интегративного правопонимания с общенаучных позиций // Российское правосудие. 2017. № 5. С. 6—18.
9. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. 580 с.
10. Мартышин О.В. Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 20—30.
11. Невважай И.Д. Что такое теория права с точки зрения философа, размышляющего о гуманитарном знании в контексте коммуникативной рациональности? // Правоведение. 2014. № 5. С. 81—93.
12. Носков В.А. Апология интегративного права в свете рефлексивной трактовки // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 37—45.
13. Палеха Р.Р. Интегративное правопонимание и современное юридическое образование в России: проблемы согласования // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3. С. 163—167.
14. Правовые модели и реальность / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М., 2014. 280 с.
15. Разуваев Н.В. Право: социально-конструктивистский подход // Правоведение. 2015. № 5. С. 48—98.
16. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола». Участники: В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, А.С. Карпенко, Г.Д. Левин, Е.А. Мамчур, С.В. Пирожкова, А.В. Родин, Н.М. Смирнова, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 5—38.
17. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Правоведение. 2005. № 1. С. 4-11.
18. Синюков В.Н. Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 19—30.
19. Степин В.С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). М., 2003. 744 с.
20. Стомба А.В. Об особенностях философско-правовой методологии // Правоведение. 2017. № 4. С. 88-101.
21. Честнов И.Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции // Правоведение. 2016. № 2. С. 62—93.
22. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: введение в теорию. Красноярск, 2004. 260 с.

²² Гаврилова Ю.А. Интегративная концепция права: от философско-юридического дуализма к синтезу в смысловой теории // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1. С. 92.

Semantic Conception of Law

Gavrilova Yulia,

PhD in Law, Associate Professor
of the Theory and History of Law and State,
Volgograd State University

Abstract. *The article is a continuation of the author's publications about integrative conception of the meaning of law in the Russian Journal of Legal Research No. 2 for 2016 and No. 1 for 2017. The author understands under the semantic conception of law an integrative holistic and collective image of law, which always has a specific historical content (in this modern society) and operates in accordance with the principle of complementarity of different types of legal understanding. This conception contains several basic assumptions. First, the semantic conception is not an absolutely new type of legal understanding, and the meaning of law is one of the supporting connecting structures that, from the point of view of modern philosophy and methodology of science, characterize the interpretational style of scientific thinking. Secondly, the dispute between the philosophy of law and the theory of law for the priority in legal understanding can be solved by a scientific convention based on the concept of the meaning of law, which harmoniously combines the internal nature of law and its external relations with economics, politics, culture and other subsystems of society. Thus, the opposition between the law "from the inside" and that which is "outside" the law is removed. Thirdly, the semantic conception of law is able to set the optimal vector for improving the conceptual apparatus of jurisprudence and for modernizing the criteria of the scientific novelty of modern legal knowledge from the position of the so-called "classical" and "postclassical" legal paradigms. If the meaning of the law is improved by the internal logic of the development of the law itself, then the scientific novelty will always be postulated as "understanding traditional ideas at a new stage". But if the meaning of law derives its sources from the social space, then, of course, it is necessary to recognize that philosophical concepts, terms and institutions can be included in the conceptual apparatus of law within the framework of a new objective interpretation. The semantic conception of law has significant theoretical and practical potential for system analysis of the problem of modern Russian legal understanding.*

Keywords: *meaning of law, ideas, norms of law, social environment of law, theory of law, philosophy of law, classics, postclassic.*

References

1. Averin A.V. Sudebnoe pravoprimerenie i formirovanie nauchno-pravovogo soznaniia sudei: problemy teorii i praktiki: diss. ... d-ra iurid. nauk [Judicial enforcement and the formation of the scientific and legal consciousness of judges: problems of theory and practice: Diss. ... Dr. Jur. Sciences]. Saratov, 2004. 382 s.
2. Baitin M.I. Sushchnost' prava (sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov) [The essence of law (modern regulatory understanding on the verge of two centuries)]. Saratov, 2001. 416 s.
3. Volodina S.V. Pravovoe doverie kak osnova ustoychivosti pravovoi sistemy obshchestva: rossiiskoe izmerenie [Legal trust as the basis for the stability of the legal system of society: the Russian dimension]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual problems of Russian law]*. 2018. No. 7. S. 37—42.
4. Gavrilova Iu.A. Smysl prava: voprosy teorii i metodologii [The meaning of law: questions of theory and methodology] / Pod red. N.N. Voplenko. Volgograd, 2013. 287 s.
5. Gavrilova Iu.A. Integrativnaia kontseptsia prava: ot filosofsko-iuridicheskogo dualizma k sintezu v smyslovoi teorii [Integrative concept of law: from philosophical and legal dualism to synthesis in semantic theory]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy [Russian Journal of Legal Studies]*. 2017. No. 1. S. 88—93.
6. Gavrilova Iu.A. Smyslovoi podkhod k pravu kak integral'noe osnovanie tipologii novykh iuridicheskikh znaniy [The semantic approach to law as an integral basis of the typology of new legal knowledge]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy [Russian Journal of Legal Studies]*. 2016. No. 2. S. 36—41.
7. Evdeeva N.V. Integrativnye teorii pravoponimaniia v sovremennoi Rossii: avtoref. diss. ... kand. iurid. nauk [Integrative Theories of Legal Understanding in Modern Russia: Author. diss. ... cand. legal sciences]. Nizhny Novgorod, 2005. 26 s.
8. Ershov V.V. Analiz integrativnogo pravoponimaniia s obshchenauchnykh pozitsii [Analysis of integrative legal understanding from a general scientific perspective]. *Rossiiskoe pravosudie [Russian justice]*. 2017. No. 5. S. 6—18.
9. Lapaeva V.V. Tipy pravoponimaniia: pravovaia teoriia i praktika [Types of legal understanding: legal theory and practice]. Moscow, 2012. 580 s.
10. Martyshin O.V. Ob osobennostiakh filosofsko-pravovoi metodologii [On the peculiarities of the philosophical and legal methodology]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2016. No. 6. S. 20—30.
11. Nevvazhai I.D. Chto takoe teoriia prava s tochki zreniia filosofa, razmyshliaiushchego o gumanitarnom znaniy v kontekste kommunikativnoi ratsionalnosti? [What is a theory of law from the point of view of a philosopher reflecting on humanitarian knowledge in the context of communicative rationality?]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 2014. No. 5. S. 81—93.

12. Noskov V.A. Apologiya integrativnogo prava v svete refleksivnoi traktovki [Apology of integrative law in the light of reflective interpretation]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2017. No. 5. S. 37—45.
13. Palekha R.R. Integrativnoe pravoponimanie i sovremennoe iuridicheskoe obrazovanie v Rossii: problemy soglasovaniia [Integrative legal understanding and modern legal education in Russia: coordination problems]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2015. No. 3. S. 163—167.
14. Pravovye modeli i real'nost' [Legal models and reality] / Otv. red. Iu.A. Tikhomirov, E.E. Rafaliuk, N.I. Khludeneva. Moscow, 2014. 280 s.
15. Razuvaev N.V. Pravo: sotsial'no-konstruktivistskii podkhod [Law: socio-constructivist approach]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 2015. No. 5. S. 48—98.
16. «Realisticheskii povорот» v sovremennoi epistemologii, filosofii soznaniia i filosofii nauki? Materialy "kruglogo stola". Uchastniki: V.A. Lektorskii, B.I. Pruzhinin, D.I. Dubrovskii, D.V. Ivanov, A.S. Karpenko, G.D. Levin, E.A. Mamchur, S.V. Pirozhkova, A.V. Rodin, N.M. Smirnova, E.O. Trufanova, E.L. Chertkova ["Realistic turn" in modern epistemology, philosophy of consciousness and philosophy of science? Materials of the round table. Participants: V.A. Lecture, B.I. Pruzhinin, D.I. Dubrovsky, D.V. Ivanov, A.S. Karpenko, G.D. Levin, E.A. Mamchur, S.V. Pirozhkova, A.V. Rodin, N.M. Smirnova, E.O. Trufanova, E.L. Chertkova]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*. 2017. No. 1. S. 5—38.
17. Romashov R.A. Realisticheskii pozitivizm: integrativnyi tip sovremennogo pravoponimaniia [Realistic positivism: an integrative type of modern legal understanding]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 2005. No. 1. S. 4-11.
18. Siniukov V.N. Obshchaia teoriia prava i razvitie otraslevykh iuridicheskikh nauk [General theory of law and the development of sectoral legal sciences]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual problems of Russian law]*. 2018. No. 9. S. 19—30.
19. Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie (struktura, istoricheskaiia evoliutsiia) [Theoretical knowledge (structure, historical evolution)]. Moscow, 2003. 744 s.
20. Stovba A.V. Ob osobennostiakh filosofsko-pravovoi metodologii [On the peculiarities of the philosophical and legal methodology]. *Pravovedenie [Law]*. 2017. No. 4. S. 88-101.
21. Chestnov I.L. Konstruktivistskaia paradigma v iurisprudentsii [Constructivist paradigm in jurisprudence]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 2016. No. 2. S. 62—93.
22. Shafirov V.M. Estestvenno-pozitivnoe pravo: vvedenie v teoriu [Naturally-positive law: an introduction to theory]. Krasnoyarsk, 2004. 260 s.

